

Теперь, когда Сюэ И задумался об этом, патриарх Бай Лин хотя и относился к ним довольно благодушно, но лишь улыбался при встрече. Даже наставления в культивации они получали на общих занятиях у старших соучеников, передававших учение секты, так что ни о какой близости и речи не шло. К тому же старшая ученица Цзо Цзиньэр вечно к ним придиралась, а другой старший соученик, И Чжэнь, и вовсе делал вид, будто их не существует.

Сюэ И всегда был тем, кто заботился о других, тем, кому приходилось взрослеть. Он, конечно, смеялся и шутил вместе с Чу Цзэюем и Лин Сюсю, но как давно он перестал считать себя ребёнком? И как давно никто другой не относился к нему как к ребёнку?

– Сюэ, можно мне так тебя называть? – перестав смеяться, спросил Дуань Шаобо.

– Конечно, – склонив голову, почтительно ответил Сюэ И.

– Сюэ, не тревожься из-за моих недавних шуток. Поживёшь подольше в секте Меча – поймёшь: на самом деле мы не бедны, просто нам ничего не нужно, – Дуань Шаобо погладил его по затылку. После того, что произошло с Почтенным Небесной Гармонии, Сюэ И не любил чужих прикосновений, но сейчас не только не хотел отстраниться – ему было удивительно приятно, а на сердце становилось всё спокойнее. – Нам не нужны духовные одеяния, чудодейственные пилюли, волшебные сокровища и божественные артефакты, не нужны беседки и дворцы. Но то, что мы сами в них не нуждаемся, – наше дело. А если снаружи попадётся кто-нибудь, у кого чересчур жирное брюхо отрастёт от наглости, можешь помочь ему срезать несколько цзиней. Ничего страшного.

Слова прозвучали шутливо, но в то же время от них веяло кровавой властью. Сюэ И тотчас звонко ответил:

– Да!

Пока он ещё не знал, насколько осмелеют другие, но после этой короткой беседы его собственная храбрость заметно возросла, и он не удержался от вопроса:

– Наставник, а прежде находились люди, пытавшиеся вами воспользоваться?

Уж слишком ярко и образно выразился Дуань Шаобо, чтобы всё это было чистой выдумкой.

Гу Цзыцзю, всё это время слушавший их разговор, внезапно обернулся и посмотрел на Сюэ И. Тот мгновенно покраснел и торопливо принялся извиняться:

- Наставник! Я...

Ведь эти слова можно было понять двусмысленно. Что ещё значит «воспользоваться»?

Однако Дуань Шаобо невозмутимо ответил:

- Конечно, находились. Правда, чаще всего я ещё не успевал пошевелить пальцем, как твой старший боевой дядя уже рубил их мечом.

Гу Цзыцзю остановился и подошёл к ним. Он самодовольно улыбнулся, и Сюэ И увидел под широкими рукавами их одеяний крепко сцепленные руки.

Его охватила зависть. Ещё много лет назад эти двое были неразлучны, а теперь их нежность друг к другу несколько не угасла...

- Хорошо, зайдём сюда, - указал Гу Цзыцзю на лавку у дороги, вырвав Сюэ И из задумчивости.

Это оказалась мебельная лавка. Внутри рядами стояли полки для редкостей, а на них красовалась крошечная мебель величиной с ладонь, похожая на девичьи игрушки.

Дуань Шаобо снял с полки маленький шкафчик и показал Сюэ И начертанный на задней стенке талисман:

- Если мебель покупает смертный, хозяин лавки приносит особый раствор. Достаточно смочить им обычную ткань и стереть талисман - тогда мебель примет нормальный размер. Практику достаточно провести по нему истинной энергией.

- Как удобно!

Сюэ И стал брать то столик, то стульчик, вертя их в руках и внимательно разглядывая. Увлёкшись на некоторое время, он вдруг обнаружил, что Гу Цзыцзю и Дуань Шаобо стоят в

стороне и наблюдают за ним. Встретившись с ним глазами, оба тепло улыбнулись. Сюэ И покраснел ещё сильнее:

– Наставник... старший боевой дядя...

– Уже что-нибудь выбрал? – спросил Дуань Шаобо.

– Да, выбрал!

Сюэ И торопливо снял с полок всю приглянувшуюся мебель и расставил её на обычном большом столе у стены. От смущения лицо его горело, однако руки двигались по-прежнему твёрдо и уверенно.

Счётовод уже давно ждал рядом. Он подошёл и разложил выбранную Сюэ И мебель по нескольким сумкам хранения. Гу Цзыцзю расплатился, а Дуань Шаобо передал сумки Сюэ И, чтобы тот, вернувшись, поделил покупки с Чу Цзэюем и Лин Сюсю.

После этого они втроём заглянули в лавку всякой всячины, магазин готового платья и кондитерскую. Даже когда Сюэ И перестал отвлекаться и стал выбирать проворнее, к тому времени, как они обошли все лавки, уже стемнело.

Однако улицы города Сверкающего Меча не только не опустели, но сделались ещё оживлённее. На высоких фонарных столбах горели фонари. Туда-сюда сновали торговцы с коромыслами и ручными тележками. Простые горожане и низкоуровневые практики собирались компаниями по трое или пятеро, смеялись и весело бродили по улицам.

– Как только вы приступите к культивации, на несколько лет лишитесь возможности любоваться суетой мира смертных. Жаль, не получилось привести сюда вас троих. Так что принеси немного этой суеты своему младшему боевому дяде и младшему соученику.

Лин Сюсю уже приняла наставника. Хотя все трое следовали за Гу Цзыцзю и Дуань Шаобо, их положение в иерархии всё же различалось. Непривычное обращение «младший боевой дядя» показалось Сюэ И странным. Поначалу он собирался отказаться, считая, что уже поздно и пора возвращаться домой, но после слов Дуань Шаобо передумал.

И впрямь, они трое уже очень давно не видели суеты мира смертных. Теперь, когда они

прибыли в секту Меча и вырвались из беды, им стоило немного развеяться.

- Да, наставник, старший боевой дядя.

Гу Цзыцзю поднял руку:

- Иди впереди. Увидишь что-нибудь желанное - покупай сам. Мы последуем за тобой.

А затем Сюэ И увидел, как его старший боевой дядя достал сахарный боярышник из неизвестных духовных плодов и сунул его в руку наставника. Дуань Шаобо нежно улыбнулся, взял сахарный боярышник, опустил голову и принялся тихонько есть.

Так они и собирались идти позади него: один ел сахарный боярышник, а другой смотрел на него.

Не мог же Сюэ И сказать: «Почтенные старшие, вы слишком бросаетесь в глаза. Может, отойдёте куда-нибудь и не будете мне мешать?» Оставалось только облизнуть губы и притвориться, будто за спиной никого нет.

Впрочем, вскоре он и впрямь забыл о следовавших за ним людях.

Жареный тофу - купить! Кролик, запечённый с зелёным луком, - купить! Сахарный пирог - купить! Баоцзы с тофу - купить! Вонтоны с креветками - купить! Паровые лепёшки с говядиной - купить! Бараний желудок в золотистом бульоне - купить! Бобовые шарики - купить!.. Купить! Купить! Купить!

Когда Сюэ И ещё жил дома, ему тоже не разрешали выходить. Нельзя сказать, что в еде и одежде его притесняли, но всё было весьма обыденно. Он и представить не мог, что люди способны с такой изощрённостью потакать своему чревоугодию. К тому же покупки и еда лучше всего помогали выплеснуть недовольство - по словам Системы. Стоило на миг потерять бдительность, и Сюэ И объелся...

Доев миску сладких шариков из клейкого риса, он убрал порцию, которую собирался отнести домой. Однако едва поднялся, как еда подступила к горлу, и у него вырвалась громкая отрывка.

Сюэ И ухватился за стол и застыл всем телом.

Сбоку протянулась рука с пилюлей величиной с соевый боб на ладони.

- Для пищеварения, - произнёс его наставник Дуань Шаобо.

Сюэ И послушно взял пилюлю, сунул её в рот и, странно потупившись, снова сел.

Кто-то коснулся его плеча.

- Подвинься немного.

Сюэ И по-прежнему не смел поднять голову. Низко склонившись, он подвинулся в сторону, а потом ещё немного. Скамья была довольно длинной, и Гу Цзыцзю с Дуань Шаобо уселись на освободившееся место. Правда, обычно эта скамья предназначалась для двоих, так что троим рослым, статным мужчинам, сидевшим плечом к плечу, оказалось тесновато.

Сюэ И так сильно смущался, что не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Гу Цзыцзю и Дуань Шаобо же забавлялись и нарочно не двигались, поэтому они так и сидели, прижавшись друг к другу.

Хозяин лотка и остальные посетители с интересом поглядывали на них, но все трое были практиками. Пусть мечники обычно хорошо относились к практикам города Сверкающего Меча, никто не хотел навлекать на себя неприятности. Люди лишь бросали на них по паре взглядов, после чего опускали головы и продолжали есть.

- Это тоже можно считать традицией нашей секты. Каждый раз, принимая нового ученика, мы непременно ведём его куда-нибудь как следует наесться. Путь к бессмертию хорош во всём, вот только с изысканными блюдами после этого приходится проститься.

Дуань Шаобо поставил перед Сюэ И маленькую чашечку.

– Там продают миндальный напиток. Его многие покупают, должно быть, вкусный. Не думай ни о чём лишнем. Сегодня ты должен как следует повеселиться. Твой младший соученик и младший боевой дядя тоже смогут попробовать принесённые тобой угощения, но всё-таки это не сравнится с тем, как свободно веселишься ты.

Сюэ И посмотрел на маленькую чашечку, затем на Дуань Шаобо. Глаза его слегка покраснели. Несколько раз моргнув, он заставил слёзы отступить, поднял чашечку и осушил одним глотком.

– Наставник, тогда я пойду поем вон те бараньи хребты!

– Иди, иди.

Сюэ И ел до третьей ночной стражи и наконец окончательно повеселел.

Он не просто смирился с прошлым и всё для себя понял – прошлое превратилось в перевёрнутую страницу. Если кто-нибудь касался этой темы, он по-прежнему испытывал отвращение, но не более. Пережитое страдание не превратилось в безобразный нарывающий шрам, из которого при малейшем прикосновении сочился гной.

Поскольку они долго не возвращались, Чу Цзэюй волновался всё сильнее. Хотя он ничего не говорил, но уже успел вообразить Гу Цзыцзю и Дуань Шаобо злодеями, задумавшими недоброе. Воображение Лин Сюсю не было столь богатым, но и она немного тревожилась.

К счастью, когда восток начал светлеть, Сюэ И наконец вернулся.

– Идите втроём развлекаться, а нам нужно кое-что обсудить с главой секты, – сказал Гу Цзыцзю.

Дело у них действительно было: раз они собирались заключить союз дао-спутников, следовало устроить церемонию.

Едва они отвернулись, Чу Цзэюй тут же подскочил к Сюэ И и схватил его за одежду. Хотя он собственными глазами видел, что старший соученик цел и невредим, всё равно не мог успокоиться.

– Младший брат, со мной всё в порядке. Или мне нужно раздеться догола, чтобы ты смог всё осмотреть и наконец успокоиться?

Сюэ И просто подшутил над ним и весело улыбался, но лицо Чу Цзэюя помрачнело. Он неловко отпустил одежду и отошёл в сторону, однако глаз со Сюэ И не сводил.

Сюэ И подозвал к себе Лин Сюсю:

– Иди сюда, посмотри. Я купил много мебели. Выбирайте то, что вам пригодится или просто понравится.

– Ой, какая прелесть! Почему она вся такая маленькая?

Лин Сюсю уселась на землю и принялась перебирать крошечные предметы мебели один за другим.

Сюэ И показал ей талисман и объяснил, как увеличить мебель.

– Даже не хочется её увеличивать. Вот бы сделать несколько маленьких марионеток, чтобы они играли с этой мебелью...

– Можем не снимать талисманы с той мебели, которая нам не понадобится. Потом отдадим всё тебе.

– Спасибо, старший брат!

– Теперь я твой боевой племянник.

– Можно я хотя бы наедине продолжу называть тебя старшим братом? – Лин Сюсю сложила

ладони и несколько раз умоляюще поклонилась. – Из-за обращения «боевой дядя» я кажусь слишком старой.

– Хорошо-о, конечно можно.

Пока эти двое со смехом играли с мебелью, Чу Цзэюй угрюмо вертел в руках маленький круглый столик. Его по-прежнему терзали вина и стыд из-за ночного сна, а отношение Сюэ И лишь усиливало ощущение возникшего между ними отчуждения. Он не знал, как заговорить.

Позже Чу Цзэюй даже не понял, как успел обставить мебелью свою убогую комнату. Сюэ И тем временем достал принесённые угощения и стал делиться со всеми. Чу Цзэюй оставался как в тумане и почти не различал, было ли то, что он клал в рот, кислым, сладким, горьким или острым.

– Ешьте, а я устал. Пойду немного посплю.

Всю ночь Сюэ И ел, пил и развлекался. Теперь возбуждение постепенно улеглось, а веки начали слипаться.

– Угу! – Лин Сюсю с набитым ртом помахала ему рукой.

Сюэ И встал, потянулся и тоже помахал им на прощание.

Лин Сюсю искренне радовалась. Раз Сюэ И держался так свободно, значит, ему и вправду удалось выбраться из тени прошлого.

Но едва он ушёл, Чу Цзэюй тут же побежал следом. Лин Сюсю открыла рот, однако в итоге не стала его останавливать.

Когда-то они втроём пережили немало лишений и бед. Если бы в тайном царстве Персикового Цветения Сюэ И и Чу Цзэюй не защищали её, она давно лишилась бы жизни. Лин Сюсю думала, что они уже прекрасно знают друг друга, однако произошедшее заставило её понять: она смотрела на всё слишком наивно.

Как бы близки ни были люди, в каждом всегда останется что-то, о чём другие не знают.

Чу Цзэюй тоже оказался не совсем таким, каким она его считала. Перед лицом опасности он был надёжным товарищем, с которым можно всё обсудить и на которого можно положиться. Но после того, как опасность миновала, некоторые его поступки были просто...

Хорошо, что брат Сюэ смог отпустить прошлое. Иначе, если бы Цзэюй и сейчас продолжал упрямиться, не желая даже протянуть руку и поддержать его, независимо от причины брату Сюэ было бы ужасно больно. Да, у Цзэюя имелись собственные мысли и трудности. Но разве его страдания могли сравниться со страданиями брата Сюэ?

Теперь с братом Сюэ всё было хорошо, поэтому Лин Сюсю не собиралась больше ничего выговаривать Цзэюю. Наоборот, она даже немного радовалась.

Конечно же, не потому, что между братом Сюэ и Цзэюем всё закончилось и теперь она сможет воспользоваться случаем! Ничего подобного!

Более того... она и сама не знала, когда её чувства к Цзэюю успели угаснуть.

Лин Сюсю радовалась только тому, что он получил по заслугам!

- Эта чашечка с фруктами такая вкусная, - Лин Сюсю облизнула ложку. - У Цзэюя сейчас всё равно нет настроения есть, верно? Тогда я с благодарностью приму его порцию.

Пока Лин Сюсю радостно ела, Чу Цзэюй уже догнал Сюэ И и вошёл в его комнату.

Теперь в комнате Сюэ И наконец появились кровать и одеяло. Он только успел снять верхнее одеяние, когда внутрь вошёл Чу Цзэюй. Сюэ И накинул одеяние на плечи, но не успел завязать пояс.

- Что случилось?

– Я... ну... ты сначала оденься, а потом я войду.

Чу Цзэюй немедленно развернулся и выбежал.

Сюэ И вздохнул, встал и привёл одежду в порядок. Затем, хотя сам находился внутри, постучал в дверь:

– Входи.

Только тогда Чу Цзэюй вошёл. Впрочем, ещё стоя за дверью, он уже успел пожалеть, что пришёл следом.

Что ему говорить? «Почему с тобой всё в порядке?» Разве это не хорошо? Зачем он явился, словно собирался требовать объяснений?

И всё же Чу Цзэюй чувствовал, что обязан прийти. Если он этого не сделает, всё действительно станет непоправимым.

Они сели друг напротив друга по разные стороны стола. Сюэ И даже заварил ему чай. Чу Цзэюй принял чашку и посмотрел на него. Тот и вправду очень устал и широко зевнул.

Чу Цзэюй изо всех сил пытался решить, что и как сказать. Сюэ И налил вторую чашку чая себе, отпил глоток и заговорил первым:

– Младший брат, тебе не нужно винить себя. Наставник появился вовремя, и тот старый мерзавец не сумел добиться своего.

Чу Цзэюй замер, а глаза его мгновенно засияли.

Однако Сюэ И продолжил:

– В те дни я доставил тебе много хлопот. Благодарю тебя за всё. Отныне и впредь ты навеки останешься моим младшим братом.

Лицо Чу Цзэюя тут же потемнело.

Чем это отличалось от отказа?

- Я... Это потому, что на этот раз я не сумел тебя спасти? - сквозь зубы спросил Чу Цзэюй.

Сюэ И вздохнул:

- Цзэюй, когда я сказал, что старому мерзавцу ничего не удалось, ты очень обрадовался. Но чему именно? Ты радовался за себя или за меня?

- Конечно, я...

Чу Цзэюй посмотрел на него. Взгляд Сюэ И оставался чистым и ясным.

- Так чему же?

Чу Цзэюй открыл рот, но затем снова закрыл его.

Он радовался тому, что Сюэ всё ещё принадлежал ему - ему одному, - что его никто больше не касался. И Чу Цзэюй действительно не мог покривить душой и сказать, будто радовался ради самого Сюэ.

Он опустил взгляд на чашку с чаем. Лицо его оставалось бесстрастным, но в душе царило смятение.

Перед глазами снова предстали картины сна. Там он так и не успел увидеть Сюэ в последний раз. Тот покинул этот мир, переполненный болью и унижением...

Это был всего лишь сон, но всё ощущалось таким настоящим.

Однако, помимо раскаяния, тогда Чу Цзэюй думал главным образом о том, почему Сюэ его не дождался, почему не продержался ещё немного.

Но... во сне Сюэ терпел почти тысячу лет.

Сумел бы сам Чу Цзэюй вынести тысячу лет такой беспросветной жизни?

Нет.

У Сюэ были возможности умереть, избавиться от страданий гораздо раньше, но старый мерзавец заставлял его жить, угрожая жизнями Сюсю и Чу Цзэюя.

Настоящий Сюэ тоже поступил бы так, верно? Он всегда был таким, с самого детства. Старшим братом для всех троих.

Какое-то время Чу Цзэюй даже не любил Сюэ, считая, что тот смотрит на него свысока. Лишь постепенно повзрослев, он понял, насколько был ребячлив. Ведь это так хорошо, когда кто-то тебя балует.

Почему же во сне он из-за одной фразы Сюэ решил, будто тот, слишком долго прожив в достатке, теперь презирает его?

Потому что в глубине души Чу Цзэюй и сам считал: Сюэ забрали, он познал хорошую жизнь и наверняка давно забыл о них. Или же тысячу лет культивировал ради других и потому устал?

Наверное... отчасти верно было и то и другое.

В итоге Чу Цзэюй погубил Сюэ. Не он собственноручно это сделал, но разве не был соучастником?

Пусть это был лишь сон, однако тот Чу Цзэюй всё равно оставался им самим.

Он не мог сравниться ни с Сюэ, ни с Сюсю.

Он был просто никчёмным мусором.

- Цзэюй?

Сюэ И испуганно вздрогнул, подумав, не слишком ли сурово высказался. Ведь Чу Цзэюй вдруг заплакал, так и сидя перед ним.

Поначалу Сюэ И решил, что тот просто задумался, но через некоторое время по щеке Чу Цзэюя скатилась слеза.

Тот провёл ладонью по лицу и шмыгнул носом:

- Старший брат, со мной всё хорошо. Правда, всё хорошо.

Чу Цзэюй поднялся.

- Старший брат, не стану тебе мешать. Поспи.

- ...Хорошо.

Изменившееся обращение вызвало у Сюэ И лёгкую печаль и тревогу.

- Цзэюй, ты очень хороший. Просто ещё слишком юн. Мы оба пока не понимаем любовных чувств. Если...

- Старший брат! - голос Чу Цзэюя внезапно стал громче. - Всё в порядке. Мы... мы ведь по-прежнему хорошие братья?

- Конечно.

– Тогда хорошо!

Чу Цзэюй широко улыбнулся, словно вновь обрёл часть прежней солнечной жизнерадостности.

– Отдыхай скорее. Через несколько дней мы приступим к культивации, а тренировки мечников ужасно изнурительны!

Посмеиваясь, Чу Цзэюй вышел. Он дождался за дверью, пока Сюэ И закроет её, и улыбка мгновенно исчезла с его лица.

Чу Цзэюй всегда считал себя хорошим человеком, выдающимся человеком, способным влюбить в себя и Сюэ, и Сюсю. Просто из них двоих он выбрал Сюэ.

Лишь теперь он понял, что вовсе не был хорошим человеком.

Он оказался низким, отвратительным и самодовольным.

Хорошо, что Сюэ ничего не знал о его сне. Хорошо, что он отверг его не потому, что разглядел его истинную сущность. Сюэ просто... считал, что Чу Цзэюй пока слишком незрел в любви?

Лучшим из них явно был Сюэ. Именно его следовало бережно держать на ладонях и всеми силами защищать.

Но Сюэ не нуждался в том, чтобы кто-то держал его на ладонях. Он был самим собой. Он обладал достаточной силой, чтобы самостоятельно выдержать любые бури. Даже столкнувшись с тем, с чем другие не смогли бы встретиться лицом к лицу...

Взгляд Чу Цзэюя стал глубоким и тёмным.

Как ни странно, он обнаружил, что, возможно, лишь в этот миг впервые понял вкус любви.

Прежние чувства к Сюэ просто были немного глубже, чем чувства к Сюсю. Сюэ ему нравился, конечно, но всё же что-то было не так.

А теперь из самого сердца во все кости и конечности разливалось неведомое ему прежде чувство – кисло-сладкое, обжигающее, неукротимое.

– Я люблю тебя... – тихо пробормотал Чу Цзэюй и с необычным чувством вернулся в свою комнату.

Он лёг на кровать и обнял подушку. Подумав, что Сюэ, наверное, тоже уже лёг спать, Чу Цзэюй представил, будто в объятиях у него не подушка, а сам Сюэ.

Когда-то они часто спали вместе.

Подумав об этом, Чу Цзэюй понял, что к числу его дурных качеств следует добавить ещё и глупость. Ведь когда они только прибыли, наставник и старший боевой дядя приготовили для них одну комнату на двоих.

Каким же глупцом он был, если сам отказался?

Погладив подушку, Чу Цзэюй закрыл глаза, и вскоре уже нельзя было понять, уснул он или всё ещё бодрствовал.

Во второй половине дня вернулись Гу Цзыцзю и Дуань Шаобо.

Сюэ И уже проснулся. До их возвращения он водил Лин Сюсю по вершине, подыскивая место, где можно было бы поставить прохладную беседку. Чу Цзэюй, напротив, всё ещё спал в своей комнате.

Выпустив деревянную марионетку, чтобы разбудить Гу Цзыцзю, они собрали троих детей в своей комнате.

Увидев Чу Цзэюя, Сюэ И и Лин Сюсю замерли.

Казалось бы, они не виделись всего полдня, однако Чу Цзэюй изменился до неузнаваемости. Дело было не в росте, сложении или весе, а в самой его манере держаться.

Прежний Чу Цзэюй, даже пережив несчастье, всё равно казался переполненным энергией и неудержимым порывом. Теперь же он словно весь осел и стал глубже.

Это отличалось от спокойной, подобной горе надёжности Сюэ И. Чу Цзэюй напоминал крепкое вино, выдержанное долгие годы, – насыщенное, тяжёлое и обжигающее.

Сюэ И чувствовал себя немного виноватым: наверное, он решил, что слишком сильно задел Чу Цзэюя. Ему хотелось заговорить с ним, но он не знал, что сказать.

Увидев это, Чу Цзэюй посмотрел на него с необычайной нежностью и нарочно произнёс самодовольно-хвастливым тоном:

– Старший брат, не выдумывай лишнего. Я просто вырос и стал понимать жизнь. Тебе следовало бы радоваться.

Сюэ И немного успокоился. Хотя остаток вины всё ещё тяготил сердце, он всё же подыграл:

– Это ты-то вырос? Да хоть тебе будет не тридцать, а триста или три тысячи лет – всё равно не повзрослеешь.

<http://bllate.org/book/19889/1985396>